

Виктор Николаевич Кустов

Провинциалы

Книга 3. Книга 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К94

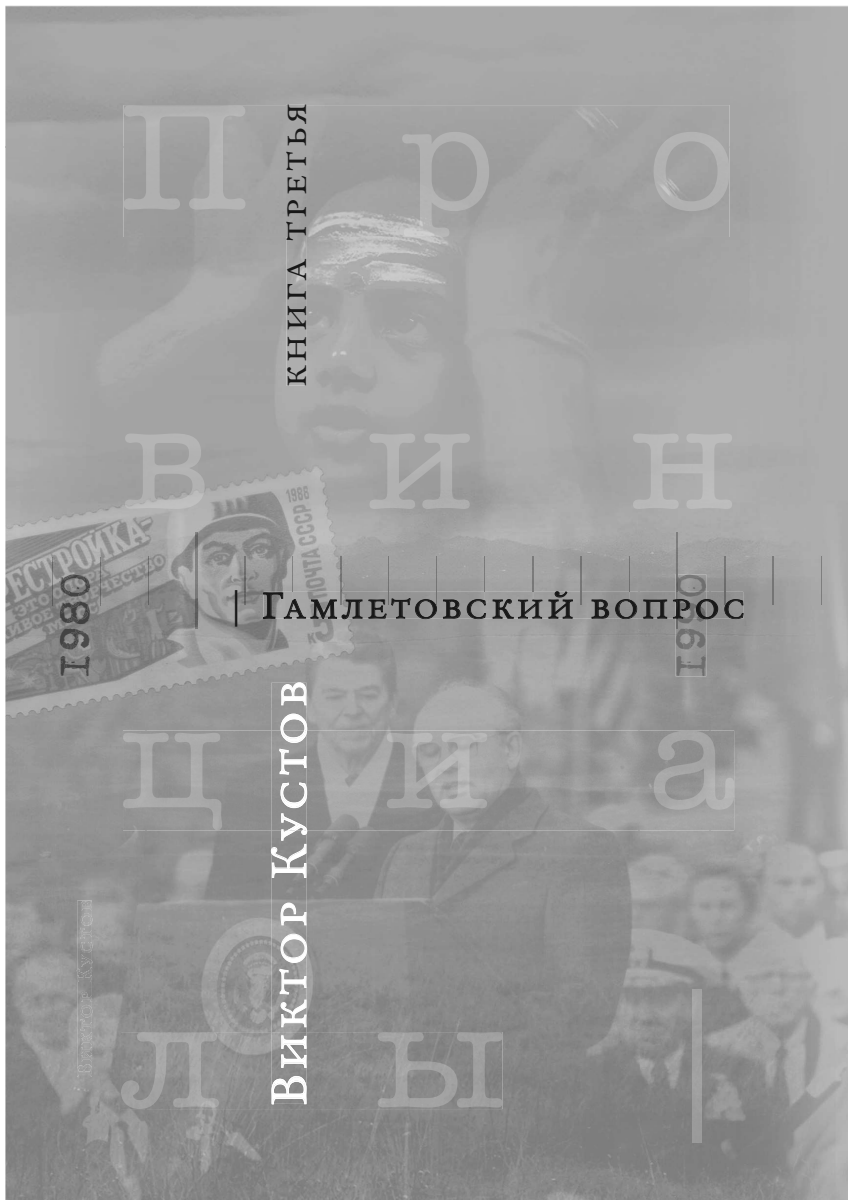
Кустов В.Н.
К94 Провинциалы: Книга 3. Книга 4 / Виктор Николаевич Кустов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 644 с.

ISBN 978-5-518-45580-1

Повествование "Провинциалы"- эпическое полотно, охватывающее полу-вековую историю страны, более семидесяти лет известной как Союз Советских Социалистических Республик, а с девяностых годов двадцатого века - как Российская Федерация. В данном томе представлены следующие две книги повествования. Третья книга "Гамлетовский вопрос" о восьмидесятих годах, когда страна Советов столкнулась с проблемами, которые не в силах была преодолеть. Это время начала перемен, гласности, падения идеологического коммунистического режима. Герои повествования по-разному переживают череду судьбоносных событий. Основное действие разворачивается на неспокойном Северном Кавказе. Четвертая книга "Неестественный отбор" - самое драматичное произведение повествует о бурных девяностых годах двадцатого века, ознаменовавших распад одной и рождение другой страны. В судьбах героев это десятилетие наполнено новизной отношений, стремительностью событий, неведомыми прежде испытаниями. В новом обществе каждый из них пытается реализовать собственное понимание произошедших перемен. В повествовании отражены реальные события и узнаваемые исторические личности, оно насыщено действием, читается с неослабевающим интересом и соответствует уровню известных эпических полотен русской литературы.

ISBN 978-5-518-45580-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014
© В.Н. Кустов, 2014

П р о

КНИГА ТРЕТЬЯ

В И Н

1980

Гамлетовский вопрос

1990

Ц и а

ВИКТОР КУСТОВ

Виктор Кустов

Л ы

Виктор Красавин родился в семье кадрового военного. Красавин-старший безоговорочно подчинялся приказам, часто менял место жительства и таскал за собой в новые, как правило, необжитые места сначала молодую жену – соблазвившуюся некогда формой и яркими погонами десятиклассницу захолустного городка, в который он приехал к другу погостить, затем и сына, которому не суждено было вырасти, потому что в далеких среднеазиатских степях он, уже уверенно бегающий на своих кривеньких ножках, вдруг заболел и стремительно, за два дня, в течение которых в их городок так и не доехал специалист по детским болезням, а свой военврач ничего в них не понимал, как, впрочем, и во многих взрослых, сгорел, определив тем самым разные пути тех, чью жизненную нить он должен был продолжать.

Старший лейтенант Красавин остался один, не найдя, чем утешить некогда восторженную поклонницу, написал рапорт о переводе куда-нибудь в глушь, в снега, ему пошли навстречу, отправили туда, куда по доброй воле мало кто соглашался ехать и где уже капитан Красавин в конце концов встретил заледеневшую от долгой зимы белолицую и белотелую библиотекаршу, которая долго его уговаривала все же попытаться с ней родить еще одного Красавина, и, уже почти майором, зная, что в ближайшее время ему грядет новое, на этот раз хорошее назначение туда, где будут всякие врачи, включая и детских, наконец

уступил, старательно попотел в жарко натопленной комнатухе, отрицающей сорокаградусный мороз за потрескивающими от такого контраста деревянными стенами, и зачатый на краю земли Витя Красавин родился за тысячи верст от белоснежной пустыни в ухоженной и теплой Европе, почти в самом ее центре, в стране, с которой некогда пришлось воевать его отцу и где навсегда суждено было остаться его деду. (Второй дед это время провел в местах не столь отдаленных, куда он попал по 58 статье и где остался навеки, передав свои гены местной, тоже сосланной женщине, у которой, в свою очередь и в свое время, родилась девочка, ставшая Витиной матерью.)

Свои юные годы, естественно, Витя помнил смутно, как и военный городок на стремительно приходящей в порядок, исковерканной военным лихолетьем земле, как и своего отца-майора, бравого в те годы, днями пропадающего на службе, излечившегося от долготлетней тоски по своей первой жене, любившего в дни праздников и войсковых событий крепко выпить и хорошо закусить, и свою мать, бывшую еще в то время худенькой и скромной, почти неслышной девушкой (она была младше отца на одиннадцать лет). Он по-настоящему осознал и свое родство с ними, и плавную, заросшую сочными желтыми кувшинками и белыми лилиями речку с песчаным обрывистым берегом, и островки березовых перелесков, и таинственную чащу с высоким папоротником гораздо позже, когда уже начал вдумчиво познавать этот мир на новом месте службы в тихой Белоруссии, где отец командовал большей частью, был подполковником на генеральской должности, а располневшая и ставшая уверенной мать заведовала библиотекой, отчего Витя ни в чем не знал отказа, не сомневаясь, что все солдатики, которые встречаются на его пути, должны так же беспрекословно выполнять его приказы, как и приказы отца.

Это было славное, безмятежное время полной гармонии с окружающим миром и людьми.

Это было время первой неразделенной любви в четвертом классе, когда уже полковник Красавин готовился к последнему назначению. Но вдруг что-то не сложилось в этом назначении. Не сложилось в получении генеральского звания. Как не сложилось у Вити с его любовью (девчонка с двумя торчащими косичками и вздернутым носиком почему-то не соглашалась выполнять его желания), и они, необъяснимо и жестоко для него, вдруг переехали с берегов ласковой реки в душный южный городок, в котором и остались после увольнения отца из армии, так и не дослужившегося до генеральских лампасов, и, как уже знал Витя, исключительно по вине материнской родни, которая в свое время не учла собственной роли в будущей жизни их потомков...

Отец запил.

Потом вдруг надумал искать свою первую жену, о которой стал рассказывать матери, Виктору, соседям – таким же военным пенсионерам, собирающимся «забивать козла» во дворе, охваченном каре многоэтажек, – говорить, что она единственная, без кого он не может жить, и наконец свою угрозу уехать к ней привел в исполнение, исчезнув невесть куда.

Мать отнеслась к этому спокойно. Она была уже солидной и уравновешенной дамой (так и не отогревшейся за эти годы, поэтому любившей жару, которая не нравилась отцу), работала в городском управлении культуры и не считала, что именно ее родня подрубила мужу крылья, а винила во всем пристрастие того к спиртному, о котором знала вся армия, а может быть даже и все Вооруженные силы СССР.

Витя, уже выпускник школы, тоже к такому финту папаши отнесся спокойно (он был более близок с матерью), удовлетворив любопытство знакомых историей о поездке бати по местам боевой юности и обещающая, что тот долго не пропутешествует. И оказался прав. Хотя отец нашел свою первую и, как он говорил, настоящую любовь – но было уже поздно, та была замужем, нарожала кучу детей (сколько, из сумбурного рассказа выпившего за возвращение Красавина-старшего так никто и не понял), и, протрезвев, наотрез отказался вспоминать прошлое.

Витя поступил в институт в столице большого края, прокаленного солнцем и пропитанного негой плодородия, недалекого моря и обширных полей, и легко его закончил. Больше, чем занятиям, он уделял внимание общественной работе и попыткам сблизиться с девушками (это у него плохо получалось, сказывался первый негативный опыт), наконец, уже отчаявшись понравиться кому-то из тех, кто нравился ему, на четвертом курсе подружился с однокурсницей, которая была похожа на его мать в молодости – такая же тихая и неприметная, стал изливаться ей свою душу, оттаивая (по-видимому, и за мать тоже) в восторженном взгляде карих глаз, и наконец удовлетворил свою жажду познать таинственную женскую плоть, в первый раз, правда, опозорившись, не донеся свое семя до предназначенного тому места, но обидеться на самого себя и засмущаться не успел – Инна выразила такой восторг, так стала его ласкать, что он через несколько минут исправил ошибку и заставил ее вскрикнуть, после чего они оба ощутили себя счастливыми и соединенными...

В отличие от собственного зачатия, которому предшествовала долгая череда ночей, эта первая в его жизни близость с девушкой была плодотворной, через два месяца стали очевидны ее последствия, и, до конца не осознав, действительно ли он любит Инну, но ясно

понимая, что дальнейшие сомнения в этом могут привести к разрушению всего выстроенного за эти годы (он был секретарем комитета комсомола факультета, активистом и перспективным дипломником), он предложил Инне сходить в ЗАГС.

Штампы в паспорте они отметили скромно, но сразу же после этого Витя свозил молодую жену на показ матери, которой та не очень понравилась. Но изменить она уже ничего не могла. Отец же, который теперь окончательно успокоился, доведя ежедневный прием тонизирующего до чекушки и четко выдерживая этот распорядок (в обед, вечером и на ночь), отнесся к невестке с большим вниманием, не скрывая своей симпатии и охотно рассказывая внимательному слушателю о своей героической жизни во имя страны и таких, как она, юных женщин..

Затем молодожены поехали к ее родителям, которые жили в соседнем крае тоже столичном городе. На этот раз он не понравился сухой и стремительной теще, работавшей в строительном управлении прорабом, умеющей вставить крепкое словцо и припечатать его ударом маленького, но жесткого кулака по столу, а тесть, рядовой бухгалтер в той же конторе, полностью подконтрольный своей властной супруге и несчастный отец еще двух младших дочек (все старался, пацана хотел), втихую предложил Виктору заглянуть в рюмочную, полагая, что у ново-явленного зятя должны быть денежки – как никак сынок полковничий (свою зарплату, всю без утайки, он отдавал жене)... Потягивая портвейн и разглядывая краем глаза старинное здание напротив, входящих и выходящих из него людей, Витя никак не предполагал, что это здание и этот подъезд с крылечком и старинной дверью скоро примелькаются и станут привычными, как подъезд и дверь дома, в котором живешь...

...После института ему предложили поработать инструктором в крайкоме комсомола. Сказались бурная общественная деятельность на пятом курсе, куда он бросился сломя голову от беременной, капризной и слезливой жены, хороший средний балл в дипломе (почти красный), умение в разговоре с комсомольскими функционерами находить верный тон, плодovitость на общественно-полезные идеи, которые он охотно раздавал тем же функционерам.

Еще раньше он отправил жену, взявшую академический отпуск, к родителям, убедив ее, что так ей будет лучше, потому что он никак не сможет ей уделять достаточно времени, да и с ребенком им вдвоем будет трудно, а там все-таки опытная теща, родные стены...

Инна родила, когда Виктор как раз готовился к госэкзаменам, поэтому даже не смог вырваться, взглянуть на новорожденную дочь, а заскочил всего на денек, когда той уже был месяц и она на удивление мысленно разглядывала его, не вызывая никаких отцовских чувств,

а только любопытство, что вот так, вроде бы из ничего, какой-то там жидкости, появился на свет в свое время и он.

К жене он тоже не испытал при этой встрече ничего волнующего, хотя выбрал несколько минут, чтобы утолить мужское желание, но особого удовольствия от этого не получил, может, потому, что никак не мог привыкнуть к ее изменившемуся телу, особенно к налитой груди, как и к неожиданной нескромной ее жадности, охотно раскинувшейся под ним...

Они договорились, что он заберет Инну с дочерью, когда обживется, обустроит выделенную ему комнату в общежитии – гостинице крайкома партии, но, когда уже стал в крайкомовских коридорах своим, да и комнату привел в порядок, все ссылаясь, что еще рано, правда, регулярно определенную толику от своей зарплаты жене высылал.

Так они прожили еще год, видясь считанные дни, когда он ненадолго ездил в соседний город, пока Инна не решила закончить институт и не оставила на младшую сестру, с которой у нее были теплые отношения (теща наотрез отказалась), уже начавшую ходить дочь и приехала к нему.

Этот период они прожили довольно хорошо, он даже оценил, как приятно приходиться домой к готовому ужину и ложиться в постель рядом с теплой и всегда готовой выслушать накопившееся, а затем лаской снять напряжение женщиной. Вместе с женой он раза четыре ездил проведать дочь, которая удивительно быстро росла и уже называла его папой, заставляя примерять это слово к себе, но воспринимал он ее как-то отстраненно, совсем не чувствуя, что в маленьком и неловком черноволосом, с большими распахнутыми глазами существе течет его кровь, воспринимая больше как иного, чем все прочие, человека...

На работе все складывалось неплохо, идеи его, как правило, становились востребованными, а умение их гладко излагать на бумаге сделали его незаменимым при написании выступлений и докладов первому секретарю крайкома комсомола (их было немало), отчего он попал в особое положение, которому остальные инструкторы завидовали. Это приближение к комсомольской верхушке, знание идеологических кухонных секретов сыграло совершенно неожиданную роль: ему вдруг разонравилась кабинетная суэта, которая, оказывается, в итоге рядовым комсомольцам не была и нужна, а служила только для того, чтобы удовлетворять чьи-то карьеристские притязания, создавая своеобразный трамплин для другой, взрослой и уже по-настоящему весомой суеты. Готовя доклады, он перелопачивал множество книг классиков марксизма-ленинизма, прошлых и нынешних теоретиков социализма, ловко и к месту вставлял цитаты, но скоро заметил, что восторженно-романтические предположения теоретиков самого справедливого

стройка и действительность зачастую не совпадают, а порой даже вступают в явное противоречие. Попытался это обсудить с наиболее толковыми коллегами, но они явно не разделяли его сомнений, не хотели углубляться и советовали не ломать голову над тем, что не имеет никакого значения и даже может повредить его собственной карьере...

Работа, которая прежде принесла удовлетворение, в которую он вкладывал (втайне гордясь своим местом и ролью) свежие и порой дерзкие мысли, и затем, после озвучивания краевым комсомольским лидером, разделял их значимость (получая тайное удовольствие от своей причастности), вдруг утратила смысл. Теперь все больше стало встречаться цитат, которые шли вразрез с последними установками центрального комитета ВЛКСМ или реалиями повседневной текущей деятельности немаленького аппарата крайкома. Он начал вставлять в доклады алогизмы, порой нелепицы и потом в нетерпении ожидал, заметят ли, вычеркнут, но, как правило, последний вариант никто не правил, докладчик зачитывал все, что было написано, не особо вдумываясь в произносимое.

Что-то стало ломаться в доселе стройном и ясном мироощущении Виктора. Прежде непонимание и огорчение вызывали лишь отношения между набирающей с годами властью матерью и становящимся слезливо-сентиментальным отцом, в котором теперь трудно было даже узнать бывшего грозного полковника. Это было так же противоестественно, как и неподчинение его желанию все еще не забытой девочки с берегов неспешной реки, и как расхождение между словами и делами тех, кто считал себя выразителем чаяний миллионов молодых людей огромной многонациональной страны...

Красавин-младший, что непостижимо было для Красавина-старшего, заболел давно изжитой и считавшейся постыдной, но все-таки русской болезнью – хандрой, но не запил, не стал прятаться от того, что его окружало, а достал путевку и поехал на берег моря в санаторий для избранных, где поправляли здоровье в основном женщины, которые, похоже, были более чувствительны ко всякого рода переживаниям, и оказался самым молодым среди немногочисленных серьезных мужчин, отчего даже не успел ничего понять, как закрутился между двумя женщинами: одна была москвичкой, женой перспективного цеховского работника, полноватая крашеная блондинка с вызывающе-брезгливым выражением лица; другая – киевлянка, дочь партийного руководителя, жгучая и поджарая брюнетка, резкая в движениях и суждениях, привыкшая брать инициативу в свои руки.

Киевлянку звали Лилей, она была соседкой по столу, заговорила с ним в первый же день, когда он от незнания нового места, ситуации,